

Философская мысль:
рецепция и интерпретация

**ПУБЛИЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ Д. ГОТЬЕ И М. РИДЖА:
КЛАССИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И НЕКЛАССИЧЕСКИЕ
КОНТЕКСТЫ**

О.Л. ГРАНОВСКАЯ

Современные либеральные мыслители-неогоббсианцы Давид Готье, Майкл Ридж в качестве «минимально универсального принципа» разрабатывают концепции публичной рациональности в духе Гоббса. Цель данной статьи – исследовать эти концепции, определить их сильные и слабые стороны в контексте ценностного плюрализма И. Берлина¹, идеи которого стали своеобразным истоком для дискуссии по поводу соотношения «либерализм/плюрализм». Идея плюрализма ценностей и частных суждений подрывает универсальные основания либерализма и возможность социальной конвенции. В поисках решения проблемы, поставленной Берлином, а следовательно и нового теоретического фундамента политической философии, представители «пост-Просвещения»² вдохновляются идеями Т. Гоббса, идеями романтизма, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Этический и гносеологический плюрализм, являясь основным допущением либеральной политической философии «позднего модерна»³, делает актуальной проблему релятивизма. В либерализме Берлина релятивизм ограничивается концепцией «универсального горизонта объективных ценностей».

Канадско-американский философ Давид Готье реконструирует рассуждения Гоббса об общественном разуме и на их основе выстраивает концепцию правового порядка как выражения этого разума. Готье отличает способность человека действовать сообразно мотивам от его способности оценивать адекватность мотивов, которую он и называет *рациональностью*⁴.

Во-первых, способность человека действовать, исходя из каких-то соображений – это умение быть мотивированным метафизическими представлениями о том, что такое мир или каким он должен быть. Эта способность, по мнению Готье, отличается от умения оценивать согласованность действий с убеждениями.

Рациональные люди стремятся к тому, что Гоббс называл «правильным суждением» – рациональностью – которая обнаруживает истину. Однако разум склонен к ошибкам: «...разум одного человека, или группы людей не может достичь абсолютного знания»⁵. По этой причине мы часто не соглашаемся с тем, что есть правильное сужде-

ние, это приводит к конфликту суждений. В ситуациях разногласий каждый человек претендует на то, что его суждение — единственно верное, а такие претензии только обостряют конфликт: «...когда люди, считающие себя умнее других, крикливо требуют, чтобы судьей было правильное рассуждение как таковое, но при этом, однако, добиваются, чтобы правильным считалось рассуждение не кого-то другого, а лишь их собственное»⁶. Настаивающие на том, что их мнение — верное суждение и что именно оно должно служить основанием для разрешения спора, не просто опасны для общества, они иррациональны, поскольку считают каждое свое чувство выражением правильного суждения. Они считают свое суждение правильным просто потому, что это *их* суждение.

По мнению Готье, в этом фрагменте Гоббс рассматривает две ошибки рациональности. Неверно считая свое чувство суждением, люди игнорируют «автономию» разума: они отрекаются от разума, оставляя контроль над поступками чувству. Однако здесь Гоббса больше интересует не автономия, а интересубъективность рациональности: рациональность делает человека свободным, освобождая его не только от страстей, но прежде всего от зависимости от собственного суждения, когда это суждение ограничено. В этом смысле рациональность — лекарство от своих собственных недостатков.

Частная рациональность ограничена, разногласия по поводу критериев истинности постоянно вызывают споры и конфликты. Готье задается вопросом: может ли рациональность избавиться от собственной ограниченности? По его мнению, именно Гоббс предлагает интересное решение этой проблемы. Размышляя сообща, люди осознают иррациональность личного суждения как эквивалента истины. «Если каждый будет думать, что его суждение — единственно верное, это приведет к войне всех против всех, что совершенно недопустимо в обществе»⁷.

Гоббс подытоживает: из-за разногласий частных суждений «при возникновении спора по поводу какого-либо мнения спорящие стороны должны добровольно согласиться между собой считать правильным мнение какого-либо арбитра, или судьи, решению которого они готовы подчиниться, если не хотят, чтобы спор довел их до свалки или в силу отсутствия правильного рассуждения, установленного природой, остался нерешенным. Так же следует поступать во всяких спорах»⁸. Опираясь на эту цитату, Готье спорит с концепцией современного британского философа Дж. Грея, по мнению которого, мир плюралистических ценностей может упорядочиваться при помощи *modus vivendi* (временного соглашения) — равновесия соревнующихся ценностей и интересов, поддерживающего общественный и международный порядок. Грей считал, что доктрина *modus vivendi* восходит к Т. Гоббсу, поскольку государство по Гоббсу относится с радикальной

толерантностью равнодушия к частным убеждениям. Однако, по мнению Готье, мы назначаем арбитра не только для баланса интересов. Это простое требование рациональности. От личных суждений необходимо отказываться в случае споров, и авторизовать арбитра, чье суждение будет признаваться истинным.

Готье утверждает, что «с точки зрения Гоббса, индивидуальный модус суждения, когда каждый индивидуум сам решает, что ему нужно делать, вытесняется коллективным модусом, когда один человек решает, что стоит делать нам всем»⁹. Общественный договор Гоббса — это не просто *modus vivendi* личных интересов: индивиды отказываются от права руководствоваться собственным разумом и отдают другому право руководить их поступками. Разумом суверена «являются для каждого подданного те правила, которые государство устно, письменно или при помощи других достаточно ясных знаков своей воли предписало ему, дабы он пользовался ими для различения между правильным и неправильным, т.е. между тем, что согласуется, и тем, что не согласуется с правилом»¹⁰. Закон не только объясняет нам, как поступать — это голос общественного разума, который мы авторизовали в качестве инстанции истины.

Существенная разница между оригинальной версией Гоббса и современными размышлениями Готье состоит в масштабе влияния, которым они наделяют коллективную рациональность. Гоббс настаивал на необходимости неограниченной авторизации суверена: что бы ни презентовал суверен в качестве общественного разума, это есть общественный разум. Он верил, что такая широкая авторизация нужна, чтобы избежать инфляции обращения к общественной рациональности, т.е. использовал аргумент «регресса».

Чтобы лучше понять эту идею, предположим, что общественная рациональность ограничена. Область споров (*R*) — это область, где частное мнение будет замещаться мнением суверена. В области *R* разум суверена определяет истину, но во всех спорах за пределами *R* мнение суверена не является решающим. За пределами этой области могут осуществиться несколько интересных возможностей: 1) есть какая-то другая власть, мнение которой является решающим; или 2) индивиды здесь предоставлены сами себе и могут полагаться лишь на собственное суждение.

Рассмотрим последнюю альтернативу. За пределами *R* индивиды полагаются на собственное суждение, тогда, вероятно, каждый индивид будет настаивать на истинности своего собственного суждения; в конфликтных ситуациях одни будут заставлять других подчиняться. Такое видение ситуации, по мнению Готье, иррационально, поскольку здесь игнорируется интерперсональность рациональности. Однако во многих областях общественной жизни это приемлемо, поскольку существует множество ситуаций, когда люди считают, что каждый

должен решать за себя, не полагаясь на мнения других. Таким образом, мы сталкиваемся с необходимостью обсуждать, в каких областях социальной жизни допустимо полагаться на собственное суждение, а в каких нет, и, следовательно, необходимо очертить круг, в пределах которого действует авторитет публичного разума, а личное разумение не действует.

Для разрешения споров суверен устанавливает закон, и, согласно определению общественной рациональности, он заявляет: « X есть истина». Но подданный может возразить, что X вне границ R — круга вопросов, решаемых сувереном. Таким образом, вы оказываетесь в конфликте с сувереном; свое суждение противопоставляете его суждению. Именно эта проблема, по мнению Готье, больше всего волновала Гоббса. Если вы ставите себя в оппозицию правительству и заявляете, что будете руководствоваться только своим мнением и суждением, в этом случае возникают споры, противоречия и в итоге война.

Итак, каждый раз, когда вы оспариваете требование суверена действовать внутри очерченного круга проблем, возникает как раз та разновидность спора, где столкновения мнений угрожают общественному благополучию, и где было бы иррационально утверждать истинность личного суждения. С этой точки зрения, власть суверена не может быть ограниченной: «...он является судьей того, что необходимо для поддержания мира; он решает вопрос об учениях; он является единственным законодателем и верховным судьей во всех спорах»¹¹.

Гоббс настаивал на том, что первая альтернатива, при которой облась за пределами R находится под другой властью, абсурдна. «Это означало бы, — утверждал Гоббс, — что учреждены два суверена и что лицо каждого человека представлено двумя уполномоченными, что в случае их несогласия между собой по необходимости привело бы к разделению той власти, которая (если люди хотят жить в мире) должна быть неделимой, и тем довело бы людскую толпу до состояния войны, вопреки той цели, во имя которой установлена всякая верховная власть»¹². В рамках данной альтернативы нам необходимо было бы авторизовать двух арбитров для определения истины и, если бы они не согласились друг с другом, нам пришлось бы принять за истину обе точки зрения, которые могут быть несовместимы, что, конечно же, абсурдно и не способствует миру.

Казалось бы, этот аргумент ведет к признанию Гоббсом неограниченной власти общественного разума суверена: если суверен говорит, что X соответствует правильному суждению, тогда все субъекты должны считать X истинным. Однако сам Гоббс смягчает данную позицию. Готье доказывает, что, согласно Гоббсу, закон — общественный разум — должен согласовываться с естественным законом и справедливостью. Гражданский закон интерпретирует

законы природы: «...кража, убийство, прелюбодеяние и всякие несправедливости запрещены законами природы, но что именно для гражданина должно считаться кражей, убийством, прелюбодеянием, наконец, вообще несправедливостью (противоправным деянием), определяется не естественным, а гражданским законом»¹³. Готье показывает, что «ограничения в форме справедливости или естественного закона дают субъекту возможность изменять границы подчинения своего естественного разума “правильному” суждению суверена»¹⁴. Если целью граждан является защита общепризнанной интерпретации естественного закона, то субъекты права могут отказаться от послушания гражданскому закону в случае, когда тот дает ложную интерпретацию естественного закона. Гоббс ясно говорит о том, что если «отказ в повиновении... не подрывает ту цель, ради которой была установлена верховная власть, то мы свободны отказаться, в противном случае мы не свободны»¹⁵.

Итак, если целью является сохранение интерпретаций естественных законов, то правитель, постоянно игнорирующий и нарушающий естественные законы, разрушает «цель, ради которой устанавливается правление» и, таким образом, людям позволено отказаться от подчинения. Государство Гоббса частично заражено тем, что он сам называл «ядом» бунтарской доктрины — «учение, что каждый отдельный человек есть судья в вопросе о том, какие действия хороши и какие дурны»¹⁶.

В российской историко-философской традиции Гоббса принято считать консерватором, однако современники называли его работы бунтарскими. Так, Джон Брамхал (John Bramhall) заявлял, что «Левиафан» является «катехизисом бунтарей»¹⁷. Готье делает вывод: Гоббс придерживался концепции ограниченной авторизации: «...провозглашение истиной суждения одной личности или одного объединения может привести к созданию монстра»¹⁸. У субъектов в таком случае остается право пересмотреть их авторизацию в зависимости от того, чувствуют ли они свои надежды и желания обманутыми. Но пока их нет смысла пересматривать, они остаются и в размышлениях, и в действиях субъектами суждений и воли публичной персоны.

Основной особенностью философии Гоббса является попытка вывести концепцию общественного закона из концепции естественного закона. Фундаментальная идея такова — индивид полагает, что в некоторых обстоятельствах опора каждого на свое собственное мнение не соответствует его (индивида) интересам. Здесь нет ничего, кроме личного суждения (естественного разума, закона). На этом этапе индивиды осознают необходимость создания для достижения своих целей публичной рациональности, которой все будут подчиняться в данных обстоятельствах. В определенных пределах публичная рациональность будет замещать индивидуальный разум каждого человека.

Гоббс считал, что ограничение влияния публичной рациональности ослабляет договор, отталкивая людей назад к частному мнению. Готье же доказывает, что, придерживаясь концепции неограниченной авторизации, Гоббс ошибался, и в действительности ему пришлось установить ограничение авторизации. А это значит, что договор внутренне парадоксален: любое ограничение ослабляет соглашение, и при этом некоторые ограничения с необходимостью ему присущи. Потому так привлекательна доктрина *modus vivendi*: если бы она оказалась верной, никакой общественной рациональности не понадобилось бы. Гоббс и его сторонники утверждают, что нам не удастся избежать конфликта, пока мы полагаемся на частное или естественное суждение, поэтому необходимо сконструировать общественную рациональность в форме суверена. Однако, по признанию Гоббса, любое ограничение общественной рациональности требует, чтобы каждый субъект, опираясь на естественный закон, оценивал — превысил ли суверен свою власть. Но это откидывает людей назад к частному мнению. Если центральная проблема политической жизни в том, что частное суждение вызывает конфликт, тогда любое решение, ограничивающее область общественной рациональности и отбрасывающее к частному суждению, спорно.

Более того, как показывает Гоббс, ограничения неминуемо ведут к тому, что люди начнут использовать частное суждение против суверена; суверен будет утверждать, что проблемная ситуация лежит в сфере компетенций общественной рациональности, тогда как гражданин будет утверждать обратное. Но это означает, что частное суждение всегда контролирует ситуацию, поскольку в любом случае оно решает, отнести ли проблемную ситуацию к сфере компетенций частной или общественной рациональности. Можно сказать, что частное суждение всегда отслеживает ситуацию. Однако персональное суждение всегда ограничено, посредством него люди преследуют свои собственные интересы. Тогда частное суждение скорее будет контролером, нежели будет вытесняться. Тем не менее, если индивиды будут так поступать, они окажутся в ситуации конфликта частных интересов, которой пытались избежать.

Эта ситуация не является настоящей проблемой с точки зрения неогоббсianцев: частное суждение ведет иногда к противоречиям, но оно также ведет и к согласию. Гоббс считал, что естественное (частное) суждение иногда очень ясно интерпретирует естественный закон, но в определенных областях естественное суждение не может вынести четкого решения, поэтому нужен выносящий суждения арбитр или правитель. В вопросах принадлежности *X* к сфере частной или общественной рациональности все решается примиряющей естественной рациональностью (частным суждением). При этом все будут согласны с тем, что право выносить суждение принадлежит Верховному суду.

Таким образом, концепция ограниченной авторизации Готье представляется жизнеспособной в этом свете.

С точки зрения современных последователей Гоббса, настоящая проблема в том, что если индивиды руководствуются лишь личными интересами и контролируют ситуацию посредством естественного суждения, они не придут к спору. Предположим, что мы находимся в ситуации, в которой мой естественный разум говорит мне, что я могу получить преимущество, обсуждая, является ли *X* частью области *R*. В этом контексте я буду оспаривать право Верховного суда решать проблему только потому, что такое поведение будет способствовать достижению моих целей, ведь частное суждение всегда диктует правило заботы о своих личных интересах. Именно в этом видит основную проблему Готье и заявляет, что нам необходимо отказаться от диктата естественного разума или частного суждения. До тех пор, пока область общественной рациональности ограничена, человек будет полагаться на свой естественный разум для отслеживания этих границ. Однако естественный разум не беспристрастный надзорный механизм: он заставляет активно продвигать собственные интересы.

Единственным решением настоящей проблемы для индивидов Гоббс считал наделение суверена неограниченной властью, тогда общественная рациональность сама будет определять свои границы. Но поскольку Гоббс и его последователи выводят учреждение публичной рациональности из свободного решения естественного разума, ни один из них не согласится наделить публичную рациональность властью, если она будет вредить его личным интересам. Именно естественный разум, заботясь о своих интересах, создает публичную рациональность, и он не может создать такую публичную рациональность, которая будет противоречить его целям. Готье заявляет, люди не могут осознанно создать «монстра» для защиты своих интересов. Таким образом, для философии Гоббса характерна идея ограниченной публичной рациональности, которая в то же время подрывает публичную рациональность.

И оригинальная аргументация Гоббса, и новая версия Готье в своей основе парадоксальны. Естественный разум считает, что единственная возможность уйти от конфликта — оставаться в тени — не высказываться по некоторым вопросам, а полагаться на публичную рациональность. Но естественный разум не может быть настолько самоотверженным, чтобы отдать публичной рациональности неограниченную зону влияния и таким образом он контролирует границы публичной рациональности.

Британский философ Майкл Ридж предложил критику гоббсовской публичной рациональности. Он полагает, что «в гоббсовской концепции... телега идет впереди лошади»¹⁹. Определяя особенность гоббсовской публичной рациональности, Ридж доказывает, что это рациональность личности или группы личностей, т.е. частное

суждение лица или группы лиц, приравнивающееся к публичной рациональности²⁰. Таким образом, *X* будет принципом публичной рациональности, если и только если он подтверждается естественным разумом суверена. Такому *процедурному* пониманию публичной рациональности Ридж противопоставляет *субстанциальное* понимание, согласно которому принципы публичной рациональности идентифицируются не по месту происхождения, а по содержанию. Данная версия утверждает, что люди примут общие нормы и принципы: в ситуациях конфликта приверженность публичной рациональности заставит индивидуумов для разрешения своих споров обращаться к ним, а не к нормам и принципам естественного разума.

Участники конфликта смогут разрешать противоречия в интерпретации общих норм, но не будут опускаться до апелляции к частному суждению²¹. Предположим, что люди учредили список моральных и политических принципов, определяющих публичную рациональность своей группы. Теперь, если они не соглашались с этими принципами, их споры остаются в области публичной рациональности. Ридж утверждает, что центральными принципами в теории Гоббса являются 19 законов природы, которые мы можем принять в качестве субстанциальной рациональности. Сам Гоббс признавал субстанциальную концепцию рациональности, но при этом считал, что люди размышляют о смысле публичных принципов. Когда я интерпретирую закон или принцип, я призываю свой разум дать ему оценку. Публичная рациональность исчерпывается текстом закона и последующими интерпретациями, или каноническими кодексами принципов. Когда наши интерпретации различаются, мы привносим в дебаты свои собственные рассуждения о смысле этих принципов, об их относительной важности и т.д. Разногласия по поводу интерпретаций смысла публичной рациональности создают платформу для политической теории Гоббса. Здесь вспоминается анализ Куном научных споров.

При этом Гоббс никогда не считал, что разногласия в вопросах интерпретаций неминуемо будут появляться, как только люди будут обращаться к естественной рациональности. Поэтому он, вероятно, не согласился бы с утверждением Риджа, что наши споры об интерпретации законов могут оставаться в области публичности, а не уходить в область естественного разума. Он считал, что люди прежде всего заботятся о своих личных интересах, они обычно ослеплены любовью к себе или какой-то другой страстью, и в итоге даже самые ясные из субстанциальных законов, влияющих на их базовые интересы, нуждаются в интерпретаторе.

Гоббс, вероятно, не присоединился бы к субстанциальной версии публичной рациональности, ведь он придерживался процедурных интерпретаций. Он считал, в отличие от Риджа, что нужно опираться

не на установленные принципы, а на решение суверена, поскольку традиционная опора на частное суждение приведет к конфликту интерпретаций любого из этих принципов. Спор двух людей о праве собственности не может быть разрешен обращением к какому-то конкретному субстанциальному правилу, поскольку они могут просто не сойтись в интерпретациях этого правила. И этот спор о верной интерпретации вряд ли может быть разрешен обращением к субстанциальной концепции справедливости, поскольку тогда возникнет спор о справедливости и так до бесконечности.

Таким образом, получается, что эти люди находятся в ловушке регресса: всякий раз, обращаясь к какому-то общему принципу для разрешения своего спора, они не соглашаются по поводу верной интерпретации универсального принципа. Гоббс считал, что только правитель может остановить этот регресс, положив конец конфликту раз и навсегда. Арбитр (а не субстанциальные принципы) должен определять публичную рациональность, поскольку люди легче согласятся с решением арбитра, нежели с правилом. С Гоббсом спорит Ридж — это доказательство само себя опровергает, поскольку сам суверен должен обращаться к правилам.

Проблема в том, что если правила или эдикты не могут ограничить список возможных интерпретаций, то нет нужды их формулировать. Следовательно, пишет Ридж, признавая за сувереном способность уникальным образом коммуницировать со своими гражданами, мы предполагаем, что некоторые эдикты и распоряжения (или по крайней мере их прояснения/интерпретации) не могут подвергаться альтернативным интерпретациям. И если это так, мы больше не нуждаемся в правителе. Таким образом, если распоряжения суверена не подвержены регрессу интерпретаций, то нет смысла полагать, что все субстанциальные принципы открыты бесконечным противоречивым интерпретациям.

Если аргументация Гоббса основывается на предположении, что все принципы и утверждения одинаково открыты различным интерпретациям, то возражение Риджа становится важным. Но если гоббсианец стоит на этой точке зрения, то ему придется признать невозможность коммуникации, поскольку все утверждения станут смутными и неясными. Разумный гоббсианец никогда не станет утверждать, что все типы утверждений и распоряжений одинаково открыты интерпретаторским спорам. Распоряжения, относящиеся к конкретным действиям людей, меньше открыты интерпретациям, нежели общие правила и принципы. Вопрос: что нам делать в каждом конкретном случае спора интерпретаций?

Логика гоббсианского аргумента «арбитр» такова — необходимо обратиться к решению кого-то, кто разрешает споры интерпретаций посредством распоряжения, которое *в меньшей степени открыто для*

споров интерпретаций. Если на этом уровне все еще возникают споры интерпретаций, то индивиды опять просят арбитра разрешить спор суждением, закрытым для альтернативных интерпретаций. Таким образом, конституции могут интерпретировать естественный закон, законодательство может интерпретировать конституцию, суды могут интерпретировать законодательство. Суды в итоге выносят конкретные постановления, заставляющие людей действовать так, а не иначе. Центральная идея гоббсианцев — без обращения к арбитру ни один спор не может быть разрешен специальными распоряжениями. В целом вывод таков — споры повсеместны, и когда они возникают, только система судебных решений может погасить их, предложив непротиворечивое судебное постановление.

Гоббсианская концепция публичной рациональности основывается на одном важном убеждении — мы вступаем в противоречия, обсуждая наши поступки, и никакая договоренность по поводу субстанциальных правил поведения — таких как естественные законы Гоббса — не способствует разрешению конфликта. Нам необходима определенного рода процедура или метод вынесения решения, которые бы привели наши противоречивые суждения к общему знаменателю, к решению, в котором расписаны наши действия. Ридж был несомненно прав, когда наделял публичную рациональность не только процедурным, но и субстанциальным статусом — в конце концов, Гоббс считал, что все сойдется в признании естественных законов. Однако Гоббс утверждал, что субстанциальное соглашение слишком хрупко и ненадежно для разрешения споров повседневной социальной жизни. Решающим для публичной рациональности моментом становится авторизация (как неанонимность) процедуры принятия решений по нашим спорам.

Этот момент обнажает проблему в гоббсианской концепции публичной рациональности. Для урегулирования споров нам необходима только публично определенная процедура принятия решений, которая разрешит разногласия. Эта процедура, по Гоббсу, может быть результатом размышлений одного человека или правилом, которым в своих действиях руководствуется социальная группа (например, голосование, жеребьевка и т.д.). Для осуществления этой практической цели необязательно считать истинным результат процедуры принятия решений, необходимо просто принять это решение как руководство к действию. Можно исполнять постановление суда, но не соглашаться с ним.

С точки зрения гоббсианца, этого недостаточно: чтобы признать закон голосом публичной рациональности, необходимо счесть его истинным. Готье более аккуратен в своих высказываниях: необходимо воспринимать суждения и волю публичного лица «как если бы они выражали истину»²², в том смысле, что мы делаем то, что они нам

указывают, независимо от того, считаем ли мы их истинными. Стандартная гоббсианская идея, согласно которой нам необходимо воспринимать суждения суверена как истину, совсем не нужна, а иногда просто нереальна. Она не нужна, потому что гоббсианец стремится к разрешению наших споров, а это относится к нашим действиям, а не к нашим мыслям. Нет никакого смысла связывать себя социальным контрактом больше, чем необходимо, власть должна контролировать действия людей, а не их убеждения.

Это невозможно, поскольку предполагается, что эпистемологическая рациональность, конституирующая рациональное убеждение, может быть подчинена практической рациональности — достижению целей. Основной момент в гоббсианской аргументации — мы принимаем суждение суверена *X* в качестве истинного, потому что нам выгодно верить в то, что это истина. Но мы не можем просто так верить во что-то, чего нет, даже, если нам это выгодно. И это происходит потому, что убеждение по своей сущности — познавательный феномен. Если убеждение гносеологически не обосновано, мы не можем включить его в свое мировоззрение. Общая рациональность убеждения — независимо от того, исключаем ли мы его, или включаем в свое мировоззрение — зависит от его эпистемологической рациональности, т.е. от требования обоснованности мышления.

Гоббсианец не может принять утверждение суверена за истину только потому, что ему это выгодно. Ему необходимо также верить в то, что рассуждения суверена более корректны или обоснованы, чем его собственные. В этом случае утверждения принимаются на эпистемологическом основании, а не на практическом.

Итак, актуализированная Исайей Берлином идея плюрализма ценностей стала, с одной стороны, основным допущением всех современных либеральных теорий, а с другой — их основным затруднением, которое сегодня пытаются преодолеть разными способами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Берлине и его философии см.: *Грановская О.Л.* Исайя Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51 – 59.

² См.: *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. – М.: Праксис, 2003.

³ *Gray J.* Post-Liberalism: Studies in Political Thought. – N. Y.; L.: Routledge, 1993. P. vii.

⁴ *Gauthier D.* Public Reason // *Social Philosophy and Policy*. 1995. Vol. 12. P. 19 – 42.

⁵ *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Гл. 13. – URL: www.kant.narod.ru/leviath.htm (дата обращения: 10.01.2014).

⁶ Там же.

⁷ *Gauthier D.* Public Reason // *Social Philosophy and Policy*. 1995. Vol. 12. P. 27.

⁸ *Гоббс Т.* Левиафан...

⁹ *Gauthier D.* Public Reason. ...P. 31.

¹⁰ *Гоббс Т.* Левиафан...

- ¹¹ Там же.
¹² Там же.
¹³ Там же.
¹⁴ Gauthier D. Public Reason. ...P. 31.
¹⁵ Гоббс Т. Левиафан...
¹⁶ Там же.
¹⁷ См.: Hampton J. Political Philosophy. – Boulder (CO): Westview Press, 1997. P. 51 – 52.
¹⁸ Gauthier D. Public Reason. P. 37.
¹⁹ Ridge M. Hobbesian Public Reason // Ethics. 1998. Vol. 108. P. 538 – 568.
²⁰ Ibid. P. 561.
²¹ Ibid. P. 564.
²² Gauthier D. Public Reason. P. 37.

REFERENCES

- Gauthier D. Public Reason. *Social Philosophy and Policy*. 1995. Vol. 12.
Granovskaya O.L. Isaiah Berlin: British liberalism and Russian philosophy (dialogue of worldviews). *Voprosy Filosofii*. [Problems of Philosophy]. 2014. No 9, pp. 51-59 (in Russian).
Gray J. *Enlightenment's Wake: Politics and Culture at the Close of the Modern Age*. London: Routledge, 1995 (Russian translation 2003).
Gray J. *Post-Liberalism: Studies in Political Thought*. New York; London: Routledge, 1993.
Hampton J. Political Philosophy. Boulder (CO), Westview Press, 1997.
Hobbes T. *Leviathan. The Matter, Form and Power of a Commonwealth: Ecclesiastical and Civil*. Ch. 13. (trans. into Russian). Available at: www.kant.narod.ru/leviath.htm (дата обращения: 10.01.2014).
Ridge M. Hobbesian Public Reason. *Ethics*. 1998. Vol. 108.
Granovskaya O.L. Isaiah Berlin and John Gray's Concept of Post-Enlightenment Liberalism. *Voprosy Filosofii*. [Problems of Philosophy]. 2015. No 9, pp. 79-87 (in Russian).

Аннотация

В статье рассматриваются историко-философские истоки концепции публичной рациональности Д. Готье и М. Риджа, в рамках которой предпринимается попытка решить «проблему И. Берлина»: этический и гносеологический плюрализм делает актуальной проблему релятивизма и возможности достижения общественного консенсуса. Показывается, что в поисках решения этой проблемы современные последователи Гоббса (Дж. Грей, Д. Готье, М. Ридж) предлагают гоббсианскую интерпретацию публичной рациональности в качестве «минимально универсального принципа».

Ключевые слова: Исая Берлин, Д. Готье, М. Ридж, плюрализм ценностей, конфликт интерпретаций, неогоббсианство, публичная рациональность, естественный разум.

Summary

The article examines the historical and philosophical origins of D. Gauthier's and M. Ridge's concepts of public reason, in frameworks of which they attempt to solve «I. Berlin's problem»: ethical and epistemological pluralism makes essential the problem of relativism and the possibility of achieving a social consensus. It shows that in the search for solutions to this problem modern followers of Hobbes (J. Gray, D. Gauthier, M. Ridge) offer a Hobbesian interpretation of public reason as the «minimal universal principle».

Keywords: Isaiah Berlin, D. Gauthier, M. Ridge, pluralism of values, the conflict of interpretations, Neo-Hobbesians, public reason, natural reason.